H 13
194

Н13
194

К. ГОЛОДНИКОВЪ.

ДЕКАБРИСТЫ
ВЪ
Тобольской губерніи.

(Изъ моихъ воспоминаній.)

659/4

1899.
Типографія А. А. Крылова.
Тюмень.

Отдѣльные оттиски изъ „Сибирской Тор. Газеты“ за 1899 г.

Н13 194

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
123671 Н

Декабристы въ Тобольской губерніи.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Знакомство мое съ декабристами, болѣе или менѣе близкое, началось съ 1839 г. и продолжалось около 10 лѣтъ. Въ декабрѣ 1839 года, окончивъ курсъ ученія въ Тобольской губернской гимназіи, я семнадцатилѣтнимъ юношей опредѣленъ былъ учителемъ русскаго языка въ Ялуторовское уѣздное училище. Въ городѣ въ это время изъ числа государственныхъ преступниковъ находились на жительствѣ: Андрей Васильевичъ Ентальцевъ съ женою Александрою Васильевною, пріѣхавшею къ мужу въ Нижнеудинскій заводъ Иркутской губерніи, вмѣстѣ съ княгинею Волконскою; Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ съ женою Марьею Константиновною, дочерью одного офицера въ Иркутской губерніи, тамъ же и вышедшею за него замужъ. При нихъ жили двѣ воспитанницы, подростки, Августа и Анна Матвѣевны; Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, съ которымъ М. И. былъ особенно друженъ; Иванъ Ивановичъ Пущинъ и Евгеній Петровичъ Оболенскій (старые холостяки) и Василій Карловичъ Тизенгаузенъ. Каждому изъ нихъ было лѣтъ по 50-ти и только Ентальцеву подъ 60 и Тизенгаузену всѣ 70.

Чтобы имѣть понятіе о томъ: въ какомъ захолустьѣ

и при какой обстановкѣ эти почтенные люди изъ аристократическихъ фамилій и получившіе всѣ высшее образованіе, принуждены были провести нѣсколько лѣтъ своей на разсвѣтѣ разбитой жизни, необходимо дать понятіе о самомъ мѣстѣ ихъ жительства и лицахъ, составлявшихъ тогда сливки уѣзднаго общества.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, контингентъ цивилизованнаго общества уѣздныхъ городовъ составляютъ лица, начиная съ 8 класса табели о рангахъ и выше, получившія образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи и только ниже 8 класса, гимназисты, реалисты и въ рѣдкихъ случаяхъ, окончившіе курсъ въ уѣздныхъ училищахъ или учительскихъ семинаріяхъ. Не то было назадъ тому 50 лѣтъ и болѣе, когда чиновникъ, окончившій курсъ въ гимназіи, составлялъ уже исключеніе. Служители Ѳемиды большею частію получали образованіе въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, низшихъ классахъ духовной семинаріи и даже не рѣдко—домашнее, научившись читать, писать и первымъ правиламъ ариѳметики. Самый же городъ Ялуторовскъ, находясь отъ губернскаго города Тобольска въ 260 верстахъ, по словамъ мѣстнаго преданія, получилъ названіе свое отъ имени татарскаго князька Ялутора, основавшаго тутъ свое пребываніе во времена еще доисторическія для Сибири. Памятниковъ старины въ Ялуторовскѣ не осталось; единственнымъ украшеніемъ его въ описываемое время служили двѣ каменныхъ церкви, да два-три небольшихъ каменныхъ дома весьма неприхотливой архитектуры; изъ нихъ домъ, занимаемый уѣзднымъ училищемъ, обращалъ на себя особенное вниманіе оригинальностію своей постройки; это было что-то среднее между харчевнею и погребомъ. Все помѣщеніе этого храма наукъ состояло изъ трехъ коморокъ тѣсныхъ и сырыхъ до такой степени, что посторонній человѣкъ, пробывъ въ нихъ часъ времени зимою, выходилъ

оттуда на воздухъ, какъ угорѣлый. Въ одной каморкѣ помѣщались 1 и 2 классы (vis-a-vis другъ къ другу), раздѣляясь между собою лишь небольшимъ шага въ два шириною проходомъ для преподавателей. Ученики 1 класса могли безнаказанно дѣлать гримасы ученикамъ 2 класса; а эти послѣдніе въ свою очередь отвѣчать имъ брандскугелями изъ кусковъ мѣла или пережеванной бумаги; въ виду такой перестрѣлки на преподавателяхъ училища лежала двоякая обязанность: сѣять въ сердца своихъ паціентовъ сѣмена просвѣщенія и въ тоже время останавливать бурные порывы ихъ воинственныхъ наклонностей. Между этими соединенными штатами и 3 классомъ на пространствѣ шести шаговъ длинника и шаговъ трехъ поперечника, красовалась конференцъ-зала съ однимъ, какъ будто-бы, крашенымъ столомъ и четырьмя ветхозавѣтными стульями для чиновъ училища, получавшихъ здѣсь отъ смотрителя мѣсячное жалованье.

Если не въ привлекательномъ видѣ привелось мнѣ, въ качествѣ правдиваго бытописателя, описать помѣщеніе уѣзднаго училища, то я уже не знаю, какъ приступить къ описанію приходскаго, или какъ тогда называемаго приготовительнаго класса, помѣщавшагося въ старомъ деревянномъ амбарѣ мѣщанина Кунгурова. Для необходимаго святилищу наукъ свѣта въ амбарѣ этомъ прорублено было два окна, въ которыя было вставлено нѣчто вродѣ стеколъ, принявшихъ на себя отъ времени синій, зеленый, голубой и, кажется, всевозможные цвѣта, кромѣ настоящаго. Полы, состоявшіе изъ дырявыхъ барочныхъ плахъ, были хотя и не больно красивы, но за то, по крайней мѣрѣ, безопасны, что никакъ нельзя сказать о потолкѣ, имѣвшемъ такой видъ, что средина его обнаруживала сильнѣйшее тяготѣніе къ земной поверхности.

Описавъ оригинальное устройство единственнаго въ городѣ и округѣ въ то время учебнаго заведенія, я не-

измѣннымъ считаю сказать нѣсколько словъ и объ оригинальномъ начальникѣ его. Иванъ Александровичъ Лукинъ происходилъ изъ остяковъ Березовскаго края, получивъ какимъ-то рѣдкимъ въ то время случаемъ, образованіе въ Тобольской гимназіи. Онъ былъ роста ниже средняго и ходилъ всегда мѣрными шагами, заложивъ руки назадъ. Обыкновенный костюмъ его составляли во всѣ дни, кромѣ высокоторжественныхъ, когда уже по необходимости нужно было облекать себя въ мундирную пару: синяя рѣшето-образная фуражка, верхъ которой отъ всесокрушающаго времени казался какъ-бы покрытымъ политурою, синяго же цвѣта вицъ-мундиръ съ брюками, недоходящими до пятъ, желтый матерчатый жилетъ съ синими стеклянми пуговками и постоянно бѣлый галстухъ. Финалъ его костюма составляла синяя же съ короткимъ краганомъ и длинными висячими рукавами шинель; фраковъ же и сюртуковъ почтенный начальникъ училища никогда не носилъ, а сукно на платье покупалъ обыкновенно не дороже 2 или 3 рублей ассигнаціями за аршинъ. Затѣмъ, правду надобно сказать, что онъ свое дѣло зналъ и любилъ, а казеннымъ рублемъ дорожилъ болѣе, чѣмъ собственнымъ. Любилъ онъ иногда въ компаніи выпить лишнее, возбуждая во всѣхъ смѣхъ, ну да это и не съ однимъ имъ бывало. Упомянувъ объ учебныхъ заведеніяхъ г. Ялуторовска, нельзя умолчать о томъ, что 50 лѣтъ тому назадъ во всемъ Западно-Сибирскомъ краѣ существовала только одна гимназія въ Тобольскѣ; остальные же затѣмъ города безропотно довольствовались чѣмъ Богъ послалъ; напримѣръ, Томскъ—уѣзднымъ училищемъ, Омскъ—казачьею школою, Семипалатинскъ и Петропавловскъ — приходскими училищами.

Существовали въ Ялуторовскѣ и другіе оригиналы, напр., почтмейстеръ Михаилъ Федоровичъ Салатовъ. Это былъ великанъ и силачъ, любившій также по временамъ

„зашибить муху“. Въ трезвомъ видѣ это былъ человѣкъ такъ себѣ, любилъ преимущественно пофилосовствовать о предметахъ религіознаго содержанія и даже поспорить иногда, напримѣръ, объ апокалипсическихъ пророчествахъ, или столпотвореніи вавилонскомъ, но въ хмѣльномъ видѣ онъ былъ ужасомъ для своего семейства, разгонялъ изъ дому жену и дѣтей и бѣгалъ по комнатамъ чуть не въ первобытномъ состояніи. Выслужившись изъ почталіоновъ, онъ кой-что успѣлъ скопить на черный день и былъ очень друженъ со смотрителемъ Лукинымъ и если имъ случалось гдѣ-нибудь пройтись по пятой—по десятой и затѣмъ завести между собою какой-либо назидательный разговоръ, какъ, напримѣръ, о казняхъ Египетскихъ или столпотвореніи Вавилонскомъ, то наши Орестъ и Пиладъ разгорячались иногда до такой степени, что наговоривъ другъ другу всевозможныхъ колкостей на счетъ мозговой интеллекціи, разставались злѣйшими врагами до слѣдующаго дня или слѣдующей выпивки.

Окружнымъ судьею былъ нѣкто Степанъ Степановичъ Бурцевъ, считавшійся острякомъ въ своемъ кругу; на досугѣ онъ непрочь былъ, подобно прочимъ, кутнуть порядкомъ, а подъ веселую руку и отправиться на Запольную улицу, имѣвшую репутацію Кунавинской слободы въ Нижнемъ. Будучи человѣкомъ семейнымъ, Бурцевъ велъ жизнь кочевую, проводя утро на службѣ, а вечера и ночи, гдѣ приходилось. Когда же случалось, что кто-нибудь изъ знакомыхъ напрашивался къ нему поиграть въ картишки, то онъ обыкновенно отпучивался, говоря: „прошу покорно, когда угодно, только меня дома не будетъ“. Когда приходилъ къ кому либо въ чайное время и получалъ приглашеніе раздѣлить съ хозяевами компанію, то онъ скороговоркою отвѣчалъ: „отчаялся уже, друзья, отчаялся“; если же ему случалось сѣсть за преферансъ съ дамами и просить закрытаго винта, то онъ, улыбаясь, го-

ворилъ: „пойдемте, барынька, въ темную“.

Про сослуживца его, засѣдателя окружнаго суда, Михаила Федоровича Енапчина, разсказывали слѣдующій, въ наше время неправдоподобный даже, анекдотъ. Однажды судья, занимаясь въ присутствіи, обратился къ Енапчину съ просьбою достать изъ шкафа, стоявшаго въ канцеляріи, XVI томъ св. зак. Несчастный старикъ, не понимая тутъ злаго умысла со стороны начальства, бросился искать просимую книгу и проискавъ ее болѣе получаса при общемъ смѣхѣ канцеляріи, возвратился въ присутствіе и отрапортовалъ судьѣ, что XVI тома на лицо не оказалось, а вѣроятно онъ взятъ кѣмъ-либо изъ служащихъ на домъ. Спустя послѣ этого недѣли двѣ, судьѣ дѣйствительно понадобился XV-й томъ, но онъ, будучи занятъ какимъ то важнымъ дѣломъ и не имѣя времени лично вынуть его изъ шкафа, обратился къ Енапчину, прося подать ему эту книгу.

—Нѣтъ, Степанъ Степановичъ, отвѣчалъ послѣдній, XV-го то тома нѣтъ; будто ужъ я и этого не знаю. Естественно, что кромѣ подписи журналовъ онъ ничѣмъ въ судѣ не занимался.

Единственный врачъ на городъ и округъ К—въ былъ каждодневно съ 11 часовъ утра пьянъ, а иногда, что называется, даже до положенія ризъ.

Были и еще подобные имъ чудаки-покойники,—но распространяться о нихъ не стоитъ. Я сказалъ „покойники“ и дѣйствительно: нынѣ уже покойники, окончившіе свое земное странствіе лѣтъ 25 и даже 30-ть тому назадъ.

Существовали, конечно, и очень порядочные люди, какъ напримѣръ, исправникъ М—чъ, городничій В—въ, стряпчіе К—но и П—въ, но они составляли уже исключеніе.

Конечно, при такомъ непредставительномъ составѣ

городского общества, декабристы бывали весьма въ немногихъ домахъ, а изъ купцовъ только у И. Ф. Мамонтова, друга извѣстнаго патріота В. А. Алекс. Кокорева и подобно ему милліонера, управлявшаго въ то время ялуторовскимъ откупомъ и у купца П. Я. Балакшина.

Такимъ образомъ наилучшее общество г. Ялуторовска составляли декабристы, но если они бывали только въ немногихъ домахъ, то и у нихъ бывали также очень немногіе изъ горожанъ, а изъ учебной корпораціи только законоучитель уѣзднаго училища протоіерей С. Я. Знаменскій, я и Жилинъ, впослѣдствіи непремѣнный членъ Тобольской губернской строптельной комиссіи.

Ентальцевъ занималъ небольшой деревянный флигель при домѣ купца Слюнина. Самъ А. В. былъ больной человѣкъ и рѣдко показывался даже у своихъ товарищей, у которыхъ за то А. В—на бывала почти каждую недѣлю. Старикъ, не смотря на собственное болѣзненное состояніе, съ юношескимъ жаромъ занимался медициною, не отказывая въ своей безплатной помощи ни богатому, ни бѣдному и покупая иногда необходимыя для того домашнія средства, даже изъ собственности своей. Бѣдняки долго вспоминали этого благодушнаго безсребренника. Онъ умеръ, сколько мнѣ помнится, въ Ялуторовскѣ, а жена его возвратилась въ Россію.

И. Д. Якушкинъ всѣцѣло посвятилъ себя математическимъ и естественнымъ наукамъ и между прочимъ устроилъ на своей квартирѣ въ домѣ одной бѣдной вдовы-мѣщанки, вѣтромѣръ, состоявшій изъ утвержденнаго на высокомъ шестѣ горизонтальнаго колеса, открытаго для вѣтровъ со всѣхъ сторонъ; къ оси этого колеса былъ придѣланъ механизмъ, приводившій въ движеніе стрѣлку, которая, вращаясь на циферблатѣ, подобномъ часовому, показывала сумму вѣтра въ данное время.

Съ этимъ-то вѣтромѣромъ вскорѣ по пріѣздѣ моемъ

въ Ялуторовскъ случилась довольно забавная исторія. Почти въ теченіи всего лѣта въ городѣ и окрестностяхъ его не было дождей; между тѣмъ, какъ въ дальнихъ селеніяхъ ихъ было даже слишкомъ много. Не рѣдко собирались надъ городомъ тучи, но разносились вѣтромъ, быстро разлетались, не оросивъ ни одной каплей засохшихъ и пожелтѣвшихъ полей; травы горѣли, хлѣба сохли на корнѣ и жители, прійдя въ отчаяніе отъ угрожавшей имъ голодовки, начали уже служить молебны,—но не помогло и это, дождей все не было. Въ столь печальныхъ обстоятельствахъ между мѣщанами города распространился слухъ, что Якушкинъ, занимаясь черною магіей, устроилъ у себя машину, которая посредствомъ нечистой силы съ визгомъ и скрипомъ разгоняетъ собирающіяся надъ городомъ тучи, что фармазонъ Якушкинъ давно уже продалъ дьяволу свою душу, а нынѣ кровью обязался закаболить ему и всѣ христіанскія души въ городѣ. Ропотъ этотъ все болѣе и болѣе увеличивался и наконецъ составился заговоръ противъ такого бѣсовскаго наважденія и вотъ въ одну темную ночь, когда все улеглось на покой, нѣсколько смѣльчаковъ съ топорами и заступами въ рукахъ забрались на дворъ къ Якушкину, срубили шестъ, разломали на мелкія части механизмъ вѣтромѣра и выкопавъ за городомъ, вблизи еврейскаго кладбища, яму, закопали въ нее дьявольское наважденіе. Слѣпому случаю удалось доставить невѣждамъ торжество: на третій же день появились на небѣ тучи и благодатная влага щедро оросила тоскующую землю. Истребители нечистой силы торжествовали свой подвигъ и впослѣдствіи, уже подъ веселую руку, разсказывали о немъ съ видимымъ удовольствіемъ.

И. Д. былъ женатъ на Шереметевой, нѣсколько разъ просившей у него дозволеніе пріѣхать къ нему въ Ялуторовскъ, но онъ упорно уклоняясь отъ этого, упра-

шивалъ ее смотрѣть за воспитаніемъ въ Москвѣ дѣтей Ев. и Вяч., изъ которыхъ одинъ состоялъ недавно (а можетъ быть и теперь состоитъ) управляющимъ Нижегородской палатой государственныхъ имуществъ, а гдѣ находится другой—неизвѣстно.

Другъ незабвеннаго поэта Пушкина, И. И. Пущинъ и товарищъ его Е. П. Оболенскій жили сначала вмѣстѣ на холостую ногу въ домѣ купца Бронникова; впослѣдствіи же времени они разошлись и вотъ по какому случаю: у Пущина жила недурненькая горничная, или экономка, что-то въ родѣ этого, по имени Варя, дѣвушка лѣтъ 20; Оболенскій при всей своей религіозности и строгихъ правилахъ жизни, не имѣлъ силы устоять противъ ея голубыхъ глазокъ, сблизился съ нею и послѣдствіемъ этого, конечно, была беременность дѣвушки. Желая искупить передъ Богомъ и людьми грѣхъ свой, Е. П. рѣшился жениться на Варѣ. И. И. дружески уступилъ ее и свадьба скромно состоялась на новой квартирѣ новобрачныхъ, въ домѣ купца Ильиныхъ. Сначала молодая Оболенская не была принята въ кругу декабристовъ, но впослѣдствіи Муравьевы, а за ними и остальные товарищи по изгнанію, изъ уваженія къ мужу, приласкали ее и она стала посѣщать ихъ.

У Оболенскихъ были впослѣдствіи дѣти, которымъ по вступленіи Императора Александра II на престолъ присуждено было княжеское достоинство, чего—почему-то не получили его отецъ и мать и поэтому случаю Пущинъ сострилъ однажды: „что Оболенскій самъ хотя и не князь, но князей на свѣтъ производитъ“.

Евгеній Петровичъ былъ очень религіозенъ; онъ любилъ бесѣдовать о религіи съ тогдашнимъ глубоко всѣми уважаемымъ протоіереемъ С. Я. Знаменскимъ, каждодневно посѣщалъ церковныя службы и два раза въ годъ говѣлъ въ соборной церкви.

Однажды, встрѣтившись съ какимъ-то довольно важнымъ лицомъ, проѣзжавшимъ изъ Петербурга въ Восточную Сибирь, Е. П. проговорился ему, что изгнаніемъ въ въ Сибирь онъ и товарищи его, частію, обязаны Я. И. Ростовцеву. Это какъ-то дошло до свѣдѣнія громкаго въ то время начальника главнаго штаба военно-учебныхъ заведеній и вотъ между нимъ и Е. П. началась переписка, результатомъ которой было то, что Е. П. сознался въ ошибочности своего отзыва о старомъ сослуживцѣ.

И. И. Пущинъ былъ напротивъ живаго и веселаго характера, любилъ иногда и подтрунить надъ ближнимъ. Получивъ образованіе въ Царско-Сельскомъ лицеѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, барономъ Дельвигомъ и Кюхельбекеромъ, И. И. любилъ въ компаніи вспоминать свою студенческую жизнь, ея кутежи и хроническія увлеченія. Онъ не только помнилъ имена и фамиліи многихъ своихъ товарищей, но даже не забылъ какъ-то и нѣкоторыхъ служителей лицея, чѣмъ либо выдававшихся.

Однажды онъ передалъ намъ подлинникомъ извѣстное стихотвореніе Пушкина, которое въ печати значилось такъ:

Разъ случилось отъ печали
Лиза, я да, Купидонъ
По бокалу осушили
И гонили мудрость вонъ.

Между тѣмъ какъ оно Пушкинымъ было написано такъ:

Разъ случилось отъ печали
Пушкинъ, Пущинъ и баронъ (Дельвигъ)
По ~~бокалу~~ осушили
И Фому гонили вонъ.*)

*) Фома былъ лицейскій служитель, нелюбимый молодежью.

Пущинъ находился въ постоянной перепискѣ съ товарищемъ своимъ С. М. Семеновымъ (по событію 14 декабря). Семеновъ въ это время находился уже на службѣ въ должности совѣтника Тобольскаго губернскаго правленія*).

Семидесятилѣтній старецъ В. К. Тизенгаузенъ, изъ Остзейскихъ дворянъ, жилъ въ собственномъ огромномъ деревянномъ домѣ на выѣздѣ изъ города, недалеко отъ кладбища. Первый домъ его, построенный на этомъ же мѣстѣ, будучи подожженъ какими-то негодяями, сгорѣлъ дотла; но это обстоятельство не помѣшало В. К. выстроить тутъ же другой и въ такихъ же размѣрахъ, но вскорѣ, отъ неизвѣстной уже причины, сгорѣлъ и этотъ, и обозлившійся старикъ выстроилъ уже третій, въ которомъ и жилъ уже до выѣзда своего изъ Ялуторовска. Жилъ онъ одинъ-одинехонекъ, хотя помѣщенія у него все-таки достало-бы и для двухъ или трехъ семействъ. Единственный слуга его, отставной солдатъ, помѣщался во дворѣ на кухнѣ. Стола своего В. К. не имѣлъ, а обѣдалъ поочередно у своихъ товарищей. Это былъ желѣзной натуры человѣкъ; по собственнымъ его словамъ онъ, проживъ 70 лѣтъ, никогда не хворалъ серьезно; почувствовавъ же легкое нездоровье лечился діэтою, не употребляя пищи по два по три дня и увѣрялъ всѣхъ, что въ началѣ каждой болѣзни ее можно излечить одною діэтою.

Неужели, спрашивали мы, молодежь, и вередъ можно излечить діэтою?

—„Непремѣно, отвѣчалъ онъ; причиною вреда быва-

---

*) У И. П. я имѣлъ случай прочесть на французскомъ языкѣ записки Грибье, описавшаго царствованіе Императоровъ Павла и Александра I-го, вступленіе на престолъ Николая включительно подъ заглавіемъ Les souvenirs d'homme d'armes, гдѣ обстоятельства событій 14 декабря описаны были въ нѣкоторыхъ случаяхъ не вѣрно и даже фамиліи нѣкоторыхъ декабристовъ искорканы, такъ напр. Анненковъ названъ Waninсoff.

етъ испорченная кровь, а чтобы привести ее въ нормальное положеніе, нужно нѣсколько дней попоститься. Разумѣется болѣзни, требующія хирургической операціи, подъ эту категорію не подходятъ". Сердечныя свои дѣла почтенный ветеранъ обдѣлывалъ настолько удовлетворительно, что ему позавидовалъ бы иной и 20-ти лѣтній юноша. Влеченіе къ женскому полу было единственною слабостью его; никогда и ни о комъ онъ не позволялъ себѣ отзываться дурно, а извѣстнымъ ему бѣднякамъ онъ помогалъ и словомъ и дѣломъ; холодное же благоразуміе его доказывали нѣсколько случаевъ, бывшихъ съ нимъ еще въ Читѣ. Въ особенности изъ нихъ у меня остался въ памяти слѣдующій, лично имъ мнѣ разсказанный въ 1839 году. Однажды товарищи его, выведенные изъ терпѣнія разными притѣсненіями грубыхъ и невѣжественныхъ надсмотрщиковъ, вздумали было наотрѣзъ отказаться отъ заводскихъ работъ. Подобный поступокъ походилъ уже на возмущеніе и В. К., предвидя печальныя послѣдствія его, началъ убѣждать горячихъ товарищей своихъ бросить принятое ими намѣреніе; но голосъ его оказался вопіющимъ въ пустынѣ. Всѣми окончательно рѣшено было--не выходить на работы изъ острога; тогда В. К., подойдя ко кружку наиболѣе вліятельныхъ товарищей, сказалъ со своимъ нѣмецкимъ хладнокровіемъ:

„Господа, задуманнымъ вами поступкомъ вы нетолько оскорбите нашего добраго коменданта (полковника Лепорскаго, заслужившаго отъ всѣхъ декабристовъ благодарную о себѣ память) и подведете его подъ непріятность донести о нашемъ возмущеніи въ Иркутскъ, но еще болѣе повредите себѣ. Но если уже вы окончательно рѣшились, то хорошо; и я остаюсь съ вами, только прежде, чѣмъ насъ поведутъ сѣчь, я первый разможжу себѣ голову".

Сосланные въ каторжныя работы съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, злосчастные узники вняли голосу холод-

наго благоразумія товарища и переговоривъ нѣсколько минутъ между собою, оставили свое опасное намѣреніе.

В. К. былъ въ нѣкоторомъ родѣ тоже оригиналомъ; выше уже было сказано, что онъ никогда не прибѣгалъ къ медицинскимъ пособіямъ и закалилъ себя такъ противъ простуды, что никогда не носилъ, даже въ трескучіе морозы, обыкновенной шубы, а ходилъ обыкновенно въ лѣтней пинели и безъ галошъ; обыкновенный же костюмъ его затѣмъ составляли: шестиугольная старая фуражка на кожаномъ подкладѣ и коричневаго сукна сюртукъ, доходящій до пятъ, съ рукавами, совсѣмъ закрывавшими пальцы. Другого костюма у него не было, хотя онъ, какъ было извѣстно, обладалъ и весьма хорошими, средствами къ жизни.

Въ бытность мою въ Ялуторовскѣ къ нему дважды пріѣзжалъ родной племянникъ его О. Г. Тизенгаузенъ, служившій ассесоромъ въ Тобольской казенной палатѣ. Характеръ его былъ всѣцѣло характеръ дяди.

У Муравьевыхъ, жившихъ въ собственномъ домѣ, собирался обязательно кружокъ товарищей по воскресеньямъ; тутъ обѣдали и оставались на весь вечеръ, занимаясь воспоминаніями о быломъ, а иногда игрою въ карты, бостонъ или вистъ. Говоря о событіяхъ 14 декабря всѣ декабристы были очень осторожны при насъ, молодыхъ людяхъ. Теперь этому времени минуло уже 50 лѣтъ, никого изъ нихъ нѣтъ уже въ живыхъ, но я, положа руку на сердце, могу утвердительно сказать, что отъ этихъ почтенныхъ людей мы не слыхали ничего такого, что относилось къ осужденію правительства. Они держали себя вполнѣ безукоризненно и даже можно сказать до такой щепетильности, что недозволяли себѣ даже выходить за за черту города. Благонамѣренность свою они оказали преимущественно основаніемъ въ гор. Ялуторовскѣ, при содѣйствіи почтеннаго протоіерея Знаменскаго, на свой счетъ,

двухъ учебныхъ заведеній, первоначально Ланкастерской приходской школы, а впослѣдствіе и женскаго училища для дѣвицъ бѣдныхъ обывателей города. Сверхъ того Якушкинъ давалъ моему товарищу Жилину уроки высшей математики, а Муравьевъ занимался со мною французскимъ языкомъ. Занятіе имъ было настолько успѣшно, что по истеченіи полугода я могъ уже свободно читать на французскомъ языкѣ книги повѣствовательнаго содержанія. Первыми въ этомъ родѣ книгами были, какъ помню, Ivanhoe Вальтеръ Скотта и Le fiancées, Манцони.

Отъ Матвѣя Ивановича, по оставленіи имъ Сибири, я получилъ три письма, и вотъ содержаніе одного изъ нихъ:

13 февраля 1872 г. Москва.

Садовая, тріумфальная, домъ Зайцевой.

„Дождался, наконецъ, любезный К. М., того часа, когда могу сказать Вамъ, съ какимъ удовольствіемъ прочелъ я письмо ваше. Въ надеждѣ, что переписка моя съ вами не ограничится полученіемъ одного этого письма, прошу васъ прислать мнѣ свой адресъ. Вспомните, что наше знакомство началось, когда, кончивши курсъ въ Тобольской губернской гимназіи, вы явились на служебное поприще въ Ялуторовскъ—юношею. Вспомните о радушномъ пріемѣ, сдѣланномъ вамъ нашимъ добрымъ оппальнымъ кружкомъ. Вы знали моихъ добрыхъ товарищей; поговорить о нихъ съ вами, это одно дастъ особенное значеніе переписки между нами.

Въ Сибири протекли лучшіе годы моей жизни. Вы знаете наше Ялуторовское житье-бытье; я породнился съ Сибирью. Желательно бы мнѣ знать преобразованія, совершенныя въ продолженіи нынѣшняго славнаго царствованія; имѣли-ли онѣ благодѣтельное вліяніе на дѣла вашего края? Справедливо было сказано о нашемъ Александрѣ II-мъ.

Онъ осѣнилъ насъ благодатью,
Дѣтей и женъ Онъ нашихъ спасъ;
Онъ вспомнилъ и меньшую братью
И къ просвѣщенью двинулъ насъ.
Благословенъ же будь судьбою;
Тобой мы сильны и горды.
Великій Царь, Господь съ Тобою!

Безъ внутреннихъ потрясеній, которыя довели Францію до совершеннаго нравственнаго упадка и физическихъ силъ, Россія наша стала теперь твердою ногой на широкомъ пути своего преуспѣнія. Богъ услышалъ наши пламенныя молитвы и осуществилъ наши завѣтныя желанія.

Поговорите мнѣ о себѣ; что касается до меня, то возвращеніе мое изъ Сибири имѣло мало радостей, разумѣется собственно для меня. Изо всей нашей Ялуторовской колоніи я одинъ остаюсь въ живыхъ.

Жена васъ дружески привѣтствуетъ.

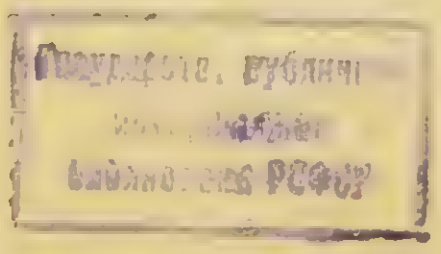
М. Муравьевъ-Апостолъ.

PS. Посылаю вамъ мою карточку, разумѣется съ тѣмъ, чтобы получить вашу. Христосъ съ вами".

Послѣднее письмо изъ Москвы я получилъ уже о смерти Матвѣя Ивановича отъ воспитанницы его Августы Матвѣевны Созоновичъ.

Муравьевъ и Якушкинъ имѣли обыкновеніе каждодневно купаться въ р. Тоболѣ, отстоящемъ отъ города въ 1/2 верстѣ и оканчивали эту операцію уже глубокой осенью, когда на рѣкѣ показывалась шуга.

Да, не одинъ Матвѣй Ивановичъ съ тоскою вспоминалъ о Сибири. То же самое писали и нѣкоторые изъ товарищей его протоіерею Знаменскому. Да оно и естественно: проведя четверть вѣка въ Сибири они volens-nolens сроднились съ нею. Возвратившись же въ Россію, они уже не застали въ живыхъ многихъ изъ своихъ родственниковъ и старыхъ сослуживцевъ; замѣнившіе же ихъ



новое поколѣніе смотрѣло на нихъ съ полнымъ равнодушіемъ и даже какъ бы съ недовѣріемъ.

Грустно было М. И. доживать свой вѣкъ (онъ умеръ, имѣя отъ роду лѣтъ 90) безъ жены, родныхъ и товарищей, ранѣе его, оставившихъ земное поприще. Не съ кѣмъ было ему и вспомянуть прежнее. Огромное состояніе его досталось воспитанницѣ, упомянутой выше А. М. Созоновичъ.

Въ 1846 году распростившись съ Ялуторовскомъ и почтеннымъ кружкомъ декабристовъ, я по распоряженію генералъ-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, выѣхалъ въ г. Курганъ на должность засѣдателя окружнаго суда. Мнѣ всего было 23 года и это назначеніе для того времени, когда судебныя должности занимались посѣдѣлыми юсами, начиная съ судей и до секретарей включительно, казалось какъ бы изъ ряда выходящимъ исключеніемъ.

Проведя шесть слишкомъ лѣтъ, наилучшихъ въ моей жизни, въ кругу добрыхъ знакомыхъ и товарищей, въ г. Ялуторовскѣ, я перѣхалъ въ Курганъ, отстоящій отъ него въ 160 верстахъ и находившійся въ таковыхъ же точно бытовыхъ условіяхъ, какъ и Ялуторовскъ, т. е. Курганъ имѣлъ двѣ каменныя церкви, три улицы, уѣздное училище, также единственное учебное заведеніе для города и округа; не могъ также Курганъ похвастать ни общественнымъ собраніемъ или клубомъ, ни публичной библіотекой, ни магазинами, ни аптекой, а ужъ о скверахъ или общественныхъ садахъ въ то патріархальное время въ уѣздныхъ городахъ даже и не мечтали. Древностей въ немъ также ни какихъ не было.

Мѣстное общество составляли тѣ же самые чиновники и граждане, какъ и въ Ялуторовскѣ, конечно, только съ другими фамиліями, со включеніемъ лишь межевой партіи, состоявшей изъ десятка землемѣровъ и канцеляріи,

подъ управленіемъ начальника межеванія, полковника генеральнаго штаба Б. Но такихъ оригиналовъ, о которыхъ мною разсказано было выше, въ Курганѣ уже не существовало. Изъ числа же государственныхъ преступниковъ находились здѣсь на жительствѣ: Нарышкинъ, Лихаревъ, Фогтъ, Назимовъ, Розенъ, фонъ-деръ-Бригенъ, Башмаковъ, Щепинъ-Ростовскій и Повало-Швейковскій. Изъ нихъ первые пятеро въ разное время переведены были по распоряженію правительства одни на Кавказъ, а другіе во внутреннія губерніи Россіи. Но между ними не было такой братской дружбы и единодушія, какія существовали между Ялуторовскими декабристами. Только Нарышкинъ и Розенъ сходились въ добромъ дѣлѣ: усердной христіанской помощи бѣднякамъ, окрестнымъ крестьянамъ при взносѣ ими податей и посѣвѣ хлѣба.

И такъ въ 1846 г. оставались въ Курганѣ только Александръ Федоровичъ фонъ-деръ-Бригенъ, Флегонтъ Мироновичъ Башмаковъ, Дмитрій Александровичъ Щепинъ-Ростовскій и Повало-Швейковскій, но принадлежалъ ли этотъ послѣдній къ кружку декабристовъ или сосланъ былъ по польскому возстанію, я утвердительно сказать не могу сколько по давнопрошедшему времени, а болѣе потому, что онъ велъ жизнь уединенную, не показывался нигдѣ.

Фонъ-деръ-Бригенъ, крестникъ поэта Державина и женатый на Миклашевской, былъ статный и красивый мужчина лѣтъ 50-ти, довольно высокаго роста и съ постояннымъ румянцемъ на щекахъ; жилъ онъ во флигилѣ собственнаго дома, а въ капитальномъ зданіи помѣщалась сожительница его, еще не старая и довольно красивая дѣвица съ двумя дочерьми-подростками. Изъ товарищей постоянно у него бывалъ только Башмаковъ, а изъ прочихъ горожанъ старшій запасный землемѣръ Федоровъ, управляющій Илецко-Иковскимъ винокуреннымъ заводомъ

Кельбыдинъ и я. Я бывалъ чаще прочихъ, живя рядомъ съ нимъ и А. Ф. былъ воспріемникомъ первой моей дочери Юліи. Въ 1848 году, получивъ отъ правительства разрѣшеніе на вступленіе на государственную службу, онъ убѣдилъ меня уступить ему занимаемую мною должность засѣдателя окружнаго суда и получивъ на то мое согласіе, отправился въ Омскъ просить объ этомъ генералъ-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, съ братомъ котораго, Михаиломъ Дмитріевичемъ, служившимъ начальникомъ штаба при кн. Паскевичѣ, онъ нѣкогда былъ хорошо знакомъ. Просьба его, конечно, была уважена и онъ сдѣлался „чиновникомъ“, а я засѣдателемъ Омскаго земскаго суда по Юдинской волости и Иртышной казачьей линіи.

Во время нахожденія своего въ Курганѣ фонъ-деръ-Бригенъ занимался переводомъ на русскій языкъ „Юлія Цезаря“, который, по окончаніи и посвятилъ другу своему поэту Жуковскому. Впослѣдствіе А. Ф. возвратился въ Россію, а семья его, имъ обезпеченная въ средствахъ къ жизни, осталась въ Курганѣ, гдѣ вышли замужъ и дочери его.

Башмаковъ, старикъ лѣтъ 70-ти, довольно тучнаго тѣлосложенія, былъ большой говорунъ и анекдотистъ; жилъ онъ на маленькой квартирѣ въ домѣ мѣщанки Ризенковой и по старости лѣтъ ничѣмъ уже не занимался. Не имѣя никого знакомыхъ, кромѣ Бригена, меня и отставного стряпчаго Тванева, онъ не рѣдко, не заходя даже въ комнаты, разсказывалъ съ улицы городскія новости и анекдоты. Ф. М. любилъ и даже очень любилъ поѣсть хорошо, т. е. до отвалу; у насъ съ женою онъ обѣдалъ не рѣдко и правду сказать, не отличался опрятностію за столомъ. Старикъ любилъ рѣзать правду всякому въ глаза, за что многіе и не любили его. Будучи однажды у городничаго С—го, онъ встрѣтился съ командиромъ

казачьей бригады, квартировавшей въ упраздненной крѣпости Прѣсногорьковской, полковникомъ Эллизеномъ. Послѣдній только-что началъ свой разсказъ о какомъ-то служебномъ отличіи, за которое онъ получилъ висѣвшій у него на шеѣ орденъ св. Анны 2 степени. Ф. М. не дождавшись конца этого разсказа, подошелъ къ нему и сказалъ: „Эхъ, полковникъ,—не вамъ бы говорить, не мнѣ бы слушать. Ну, какое же отличіе могли вы оказать по службѣ,—развѣ только за свое Прѣсногорьковское сидѣнье? А я вотъ этотъ же самый орденъ получилъ, въ чинѣ подполковника, за Лейпцигъ, и вы согласитесь, что тутъ то награды давались ужь не засидѣнье".

У меня остался еще въ памяти анекдотъ, разсказанный имъ про одного артиллерійскаго капитана, сдѣлавшагося въ царствованіе Павла викарнымъ епископомъ. Дѣло состояло въ томъ, что капитанъ этотъ, назвавшись православнымъ священникомъ и промысливъ гдѣ-то рясу, тайно, безъ согласія отца-магната, только что пріѣхавшаго изъ Варшавы въ Петербургъ, обвѣнчалъ на своей квартирѣ единственную дочь его съ сослуживцемъ своимъ, молодымъ офицеромъ. Невѣста, конечно, не подозрѣвала тутъ обмана, такъ какъ наши священники заграницей не носятъ ни бородъ, ни длинныхъ волосъ. Отецъ принесъ жалобу Императору и храбрый капитанъ на другой же день отосланъ былъ къ митрополиту для посвященія въ монашескій санъ при Александро-Невской лаврѣ.

Не видя другого исхода изъ этого положенія, капитанъ, получившій хорошее воспитаніе сначала дома, а потомъ въ шляхетномъ корпусѣ, началъ усердно заниматься богословіемъ и вскорѣ переводами своими на русскій языкъ иностранныхъ богословскихъ сочиненій обратилъ на себя особенное вниманіе владыки. Прошло нѣсколько лѣтъ и іеромонахъ Анатолій вскорѣ же по посвященіи въ игумены, рукоположенъ былъ викарнымъ епископомъ куда-то

на югъ Россіи. Спустя послѣ этого лѣтъ 15, Ф. М., служившему также въ артиллеріи и нѣкогда встрѣчавшемуся по службѣ съ бывшимъ капитаномъ, случилось быть въ той мѣстности и даже монастырѣ, гдѣ проживалъ викарій. Разговоръ, между прочимъ, зашелъ о старинѣ и послѣдній спросилъ Ф. М-на: не зналъ ли онъ въ бытность свою въ Петербургѣ капитана №, назвалъ при этомъ его фамилію. Башмаковъ отвѣчалъ, что служилъ съ нимъ въ одной бригадѣ, но не знаетъ гдѣ онъ теперь находится и что съ нимъ случилось по невольномъ рукоположеніи въ монашество за дерзское принятіе на себя духовнаго сана. „Значитъ, вы, полковникъ, не узнали бы его, встрѣтившись съ нимъ гдѣ-нибудь нынѣ“?

— „Я думаю, что и трудно было бы узнать послѣ столькихъ лѣтъ, проведенныхъ нами порознь и въ разныхъ званіяхъ“.

— „Ну такъ вотъ онъ передъ вами на лицо, сказалъ улыбаясь преосвященный.

Башмаковъ, естественно, извинился, принявъ эти слова сначала за шутку и убѣдился въ справедливости ихъ уже тогда, когда хозяинъ, пригласивъ его къ себѣ въ кабинетъ, приказалъ подать бутылку шампанскаго и разсказалъ всю предшествовавшую жизнь свою.

— „Да, полковникъ, сказалъ онъ въ заключеніе,— въ настоящее время и въ настоящемъ экономическомъ и бытовомъ отношеніи я не желалъ-бы быть даже вашимъ корпуснымъ командиромъ: попы водятъ меня подъ руки, барыни цѣлуютъ мои руки, а погребъ у меня такой, какой едва-ли есть и у его высокопревосходительства.

Басаринъ, живя въ Курганѣ, занимался разнаго рода коммерческими оборотами и на-досугѣ любилъ поиграть въ карты. Онъ былъ женатъ сначала на молоденькой и хорошенькой особѣ, но прожилъ съ нею недолго и по смерти ея, перепросившись въ Ялуторовскъ, женился здѣсь

вторично на вдовѣ купца и фабриканта Медвѣдевой, взявъ за нею въ приданое стеклодѣлательный Контюльскій заводъ.

Впослѣдствіи онъ переѣхалъ въ Омскъ и поступилъ на службу въ главное управленіе Западной Сибири.

Со Щепинымъ-Ростовскимъ (утратившимъ подобно Оболенскому княжеское достоинство) я встрѣчался чаще всего въ домѣ чиновника Дмитрія Евграфовича Щепина, за молоденькою и хорошенькою сестрою котораго Дмитрій Александровичъ крѣпко ухаживалъ, стараясь казаться еще не старымъ Convivan'омъ. Теперь А. Е. уже старушка, имѣющая нѣсколькихъ внуковъ: замужемъ она была за военнымъ докторомъ Дювернуа.

Д. А. замѣчателенъ былъ тѣмъ, что будучи брюнетомъ, имѣлъ одинъ усъ черный, а другой совершенно бѣлый. Разсказывали, что этотъ казусъ случился съ нимъ вслѣдствіе сильнаго душевнаго потрясенія во время содержанія подъ стражею, въ Петропавловской крѣпости или въ Литовскомъ замкѣ, не упомню.

Съ декабристами, находившимися въ описанное время въ Тобольскѣ, я познакомился въ поѣздки мои изъ Ялуторовска, по рекомендаціямъ М. И. Муравьева-Апостолъ. Въ Тобольскѣ поселены были; Александръ Михайловичъ Муравьевъ съ супругою Жозефиною Адамовной, Михаилъ Александровичъ фонъ-Визинъ съ супругою Натальею Дмитріевною, Иванъ Александровичъ Анненковъ—съ Прасковьею Егоровной, Петръ Николаевичъ Свистуновъ—съ Татьяною Александровной, Вильгемъ Карловичъ Кюхельбекеръ и два брата Бобрищевы-Пушкины. О С. М. Семеновѣ сказано было уже выше.

Муравьевы, обладая большимъ состояніемъ, занимали каменный двухъ-этажный домъ, возлѣ Михайло-Архангельской церкви, гдѣ нынѣ помѣщается Маріинская женская школа; впослѣдствіи же заняли домъ, бывшій подполков-

ника Кривцова, по Рождественской улицѣ. При нихъ были дочери: Екатерина, вышедшая замужъ за капитана англійскаго флота; Александра, вышедшая также замужъ за контрольнаго чиновника Абаза и Елена, оставшаяся еще въ дѣвицахъ. Сынъ Михаилъ, находясь въ Россіи, былъ предводителемъ дворянства въ г. Ялтѣ. Муравьевы жили открыто, принимая у себя почти всю Тобольскую quasi аристократію и въ свою очередь посѣщая ее. Самъ А. М. считался на службѣ при Тобольскомъ общемъ губернскомъ управленіи. У Муравьевыхъ жилъ старый товарищъ и другъ А. М. штабъ-лекарь Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ, женившійся впослѣдствіи на Муравьевой, послѣ смерти ея мужа.

Муравьевъ и Вольфъ, считаясь товарищами при жизни, остались таковыми же и по смерти, будучи похоронены рядомъ на Тобольскомъ кладбищѣ. На могилахъ ихъ по сіе время существуютъ богатые чугунные памятники.

Фонъ-Визины жили сначала за Абрамовскимъ мостомъ на квартирѣ, а потомъ переѣхали на гору въ домъ, принадлежащій нынѣ кафедральному Софійскому собору. Они также жили открыто, но особенно дружны были съ архіепископомъ Аѳанасіемъ и епископомъ Владиміромъ. Первый изъ нихъ былъ высокообразованный іерархъ, обладавшій богатою библіотекою и знавшій хорошо древніе языки, а изъ новѣйшихъ только французскій; нѣмецкаго же онъ не зналъ, а потому о переводѣ съ него замѣчательныхъ богословскихъ сочиненій на русскій языкъ онъ всегда обращался съ просьбою къ Михаилу Александровичу. Дѣтей при фонъ-Визиныхъ въ Тобольскѣ, сколько упомню, не было. Кромѣ вышеозначенныхъ лицъ они близко были знакомы съ прокурорами Черепановымъ и Францевымъ и дивизіоннымъ генераломъ Гладышевымъ. Бывалъ также у нихъ, въ проѣзды свои изъ Омска въ Тобольскъ,

громкій въ свое время генералъ-губернаторъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, женатый на Черевиной, двоюродной сестрѣ Натальи Дмитріевны фонъ-Визиной. По возвращеніи въ Россію и по смерти тамъ мужа эта послѣдняя вышла замужъ за И. И. Пущина.

Анненковы жили въ собственномъ домѣ, недалеко отъ Христорождественской церкви (нынѣ Захарова). При нихъ были сыновья Владиміръ и Николай и дочери Ольга и Наталья. Иванъ Александровичъ служилъ въ должности особаго засѣдателя Тобольскаго приказа общественнаго призрѣнія, а въ послѣднее время, возвратясь въ Россію, былъ предводителемъ нижегородскаго дворянства. Сыновья его занимали также довольно видныя мѣста на государственной службѣ.

П. Н. Свистуновъ, женатый на воспитанницѣ бывшаго курганскаго исправника Дуранова Татьянѣ Александровнѣ, жилъ въ собственномъ домѣ по Большой Архангельской улицѣ. Онъ былъ хорошій знатокъ въ музыкѣ и на домашнихъ музыкальныхъ вечерахъ самъ игралъ на какомъ-то инструментѣ, если не ошибаюсь, на віолончели. П. Н. занималъ должность члена совѣта Тобольской Маріинской женской школы и въ этомъ званіи получилъ орденъ св. Станислава 3 степени. У Свистуновыхъ было двое дѣтей, сынъ Петръ и дочь Марія. П. Н. послѣднее время жилъ и умеръ въ Москвѣ.

В. К. Кюхельбекеръ, одинъ изъ близкихъ друзей Пушкина по ~~музею~~ лицею, женился въ Восточной Сибири на крещеной буряткѣ по имени Дросидѣ Ивановнѣ, женщинѣ не первой уже молодости, некрасивой и необразованной. Трудно было придумать, что заставило его сдѣлать такой странный mesalliance, но безъ всякаго сомнѣнія онъ въ этомъ случаѣ не держался убѣжденій религіознаго Е. П. Оболенскаго. Кюхельбекеръ занимался поэзіей и, еще будущи въ Царскосельскомъ лицеѣ, любилъ читать

товарищамъ свои стихи, и по словамъ Пущина, однажды такъ надоѣлъ Пушкину, что тотъ, отвернувшись отъ него, сказалъ: „ну, братъ, это ужь Кюхельбекерно—тошно“. Съ тѣхъ поръ эта фраза обратилась въ поговорку между товарищами его, лицеистами. Находясь въ Курганѣ, онъ написалъ шуточное стихотвореніе подъ названіемъ „Курганіада“, которое начинается такъ:

Премудрый К.....ъ*), Кургана управитель,
Нахохлившись идетъ къ Аганычу въ обитель;

далѣе не упомню. (Ф. А. Мальцевъ былъ управляющій курганскими питейными откупами). У нихъ дѣтей не было.

Братья Бобрищевы—Пушкины Павелъ и Николай жили въ Тобольскѣ, но на разныхъ квартирахъ и вели жизнь уединенную. Николай страдалъ тихимъ умопомѣшательствомъ и оба брата впослѣдствіи возвратились въ Россію.

Гавріилъ Степановичъ Батеньковъ родился въ 1793 году въ г. Тобольскѣ, но еще въ малолѣтствѣ увезенъ былъ отсюда въ Петербургъ для опредѣленія во второй кадетскій корпусъ. По окончаніи здѣсь курса онъ вступилъ въ одну изъ батарей дѣйствующей арміи и участвовалъ въ походахъ 1812—1815 годовъ. По возвращеніи въ Россію Батеньковъ, выдержавъ экзаменъ на званіе инженера, уѣхалъ на службу въ г. Томскъ, и отсюда по приглашенію М. М. Сперанскаго, ревизовавшаго тогда сибирскія губерніи, отправился къ нему въ Иркутскъ, гдѣ Сперанскій, въ званіи уже генералъ-губернатора, работалъ по преобразованію Сибири: Батеньковъ былъ горячимъ и энергичнымъ сотрудникомъ его и въ 1821 году уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ. Здѣсь по протекціи М. М. былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ сп-

*) Коренгинъ, смотритель уѣздныхъ училищъ.

бирскаго комитета. Казалось такимъ образомъ, что блестящая карьера его была внѣ всякаго сомнѣнія, но къ сожалѣнію счастье скоро измѣнило ему: въ концѣ 1825 г. Батеньковъ за участіе въ заговорѣ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и содержался въ одиночномъ заключеніи въ теченіи 20 лѣтъ. Въ 1846 г. Гавріилъ Степановичъ отправленъ былъ изъ крѣпости въ Томскъ и черезъ 10 лѣтъ послѣ этого, возвратившись въ Россію, поселился въ Калугѣ, гдѣ и умеръ семидесятилѣтнимъ старцемъ.

Находясь въ Томскѣ, Г. С. познакомился съ почтеннымъ семействомъ губернскаго стряпчаго Лучшева и по смерти сего послѣдняго вызвалъ вдову его съ дѣтьми въ Калугу, гдѣ и покровительствовалъ имъ до самой смерти своей.

Позднѣе прибылъ въ Тобольскъ изъ Ишима Владиміръ Ивановичъ Штейнгель; въ бытность свою въ Ишимѣ онъ по порученію ишимскаго купца Чернякова, члена географическаго общества, написалъ „Историческое описаніе Ишимскаго округа“, которое и было отпечатано въ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. М. И. Муравьевъ-Апостолъ, во время жительства моего въ Ялуторовскѣ, сообщивъ мнѣ книжку этого журнала. посовѣтовалъ составить таковое же описаніе и Ялуторовскаго округа, что мною и было исполнено. За трудъ этотъ, сообщенный мною тогдашнему губернатору К. Ф. Энгельке, я получилъ благодарность отъ его превосходительства.

Еще до знакомства моего съ тобольскими декабристами, здѣсь жилъ и умеръ нѣкто бывшій князь Барятинскій, о которомъ, чрезъ Н. С. Знаменскаго, мнѣ извѣстно только то, что у него хранилась часть древа Св. Животворящаго Креста Господня, отосланнаго по смерти его къ его родственникамъ.

Нѣкоторыя подробности собственно о тобольскихъ де-

кабристахъ обязательно сообщены мнѣ д. с. с. Н. С. Знаменскимъ, бывшимъ воспитанникомъ фонъ-Визиныхъ.

Въ Туринскѣ проживалъ Ивашевъ, о которомъ я ничего сказать не могу, такъ какъ въ Туринскѣ не былъ и г. Ивашева вовсе не зналъ.

Вообще, говоря о декабристахъ, нельзя не сознаться, что имъ все-таки лучше жилось въ губернскомъ городѣ, чѣмъ товарищамъ ихъ въ уѣздныхъ городахъ. Въ Тобольскѣ было и болѣе цивилизованное общество, выписывалось и много журналовъ и газетъ, составлялись семейные вечера и любительскіе спектакли; при нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ были библіотеки; наконецъ для отдохновенія отъ домашнихъ и служебныхъ занятій существовали общественные сады, сначала такъ называемые Прокурорскій и Комисаріатскій, а впослѣдствіи и Ермаковскій съ памятникомъ завоевателю Сибири Ермаку.

К. Голодниковъ.

Государственная
литературная
библиотека РСФСР